

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации **Козловой Екатерины Александровны «Гендерные аспекты лексики русского языка»**, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 — русский язык (филологические науки)

Ключевые темы культуры, к которым во все времена, несомненно, относилась и гендерная проблематика, продолжают оставаться в зоне исключительной востребованности в исследовательском поле современной лингвистики, для которой характерна тенденция к антропоцентрическому подходу в изучении и интерпретации фактов национального языка. На этом фоне нужно отметить несомненную важность исследований в области лингвистической гендерологии, которая в наши дни обретает свой собственный объект, свою проблематику и свой научный инструментарий. Работа Е.А. Козловой как раз находится в русле указанных трендов современной гуманитаристики, представляя собой удачный пример многоаспектного описания гендерно маркированной лексики русского языка в соответствующих социокультурных контекстах (дискурсах).

Следует отметить, что рецензируемое диссертационное исследование Е.А. Козловой находит новый поворот в этой теме, способный обогатить научные представления о концептуализации гендера в ряде значимых ЛСГ и ЛСП русского языка. Все это обуславливает очевидную **актуальность** данного диссертационного исследования, связанную с научной и культурной значимостью изучения лексики, имеющей гендерную семантику, через призму востребованного в современном гуманитарном знании антропоцентрического подхода.

Установка на анализ путей и способов кодирования гендерно маркированной информации в прямых и переносных значениях слов с агентивной семантикой, а также неагентивных слов, принадлежащих ЛСП «медицина и физиология», «танцы», «мода», «уход за собой», «гастрономия и кулинария» и пр., предопределяет и **научную новизну** данного исследования, которая состоит в том, что в работе впервые проведено комплексное многоаспектное описание гендерно маркированных смыслов в лексике русского языка (в том числе в метафорических и метонимических моделях употребления), а также проанализированы лингвопрагматический и лингвоаксиологический аспекты речевой реализации гендерно маркированных лексем.

Несомненна и **теоретическая значимость** диссертации, которая обусловлена уточнением методологии и комплексной методики выявления и интерпретации гендерно маркированных компонентов смысла в словах и выражениях русского языка как отражения специфики социокультурных процессов в российском социуме, и ее **практическая ценность**, заключающаяся в том, что результаты исследования могут быть использованы в вузовском преподавании курсов лексикологии и семантики,

лексики и лексической семантики, общего языкознания, ономастики, русского языка как иностранного, культуры речи, а также в практике создания словарей новых слов и лингвокультурных тезаурусов.

Важно и то, что выводы автора основаны на весьма богатом и значительном по объему **языковом материале**, дающем исчерпывающее представление о предмете данного исследования — это данные основных русских толковых словарей, словарей разговорной речи и жаргонов, словарей иностранных слов и т.д.; текстовый материал для анализа контекстов берется по Национальному корпусу русского языка и данным интернет-коммуникации.

Соответствие теоретических установок исследования полученным результатам, представительный корпус контекстов, анализ объемного теоретического материала по проблематике исследования, основательная выборка изучаемых языковых фактов современной русской речи, а также комплексный характер методики исследования обеспечивают **достоверность и обоснованность полученных результатов**.

Структура диссертационного исследования обусловлена внутренней логикой рассмотрения материала, связующего теоретическую и практическую части работы в единое целое, что отражает этапы реализации поставленных автором целей и задач. Диссертация Е.А. Козловой включает в себя введение, четыре главы, заключение, библиографический список (включающий в себя разделы: Словари и справочники, Монографии и статьи, Интернет-источники — всего 212 наименований, из них 15 — на иностранных языках) и приложение, которое содержит предлагаемые варианты лексикографического описания ряда слов. Объем диссертационного исследования, не считая приложения, составляет 223 с. Общий объем диссертационного исследования — 226 с.

В первой главе исследования «Теоретические основы гендерной лингвистики» дается обоснование исходных теоретических принципов исследования: раскрывается история термина «гендер», освещается проблема дифференциации понятий «пол» и «гендер», рассматривается изучение языка в гендерном аспекте в историко-научном освещении. Это позволило автору обосновать концепцию исследования, которая заключается в следующем: «уточнение семантики эмотивно-оценочных слов, определение зависимости содержания коннотаций от гендера; выявление особенностей функционирования слова в дискурсе; разработка лексикографических схем для гендерно маркированной (эксплицитно и имплицитно) лексики; описание аксиологической картины мира, отраженных в языке гендерных стереотипов общества» (с. 43).

Обосновывается важное в целях дальнейшего исследования теоретическое положение: «Изучаемые единицы лексики мы распределяем по относительным и абсолютным оппозициям. При этом подразумевается, что *относительные оппозиции* называют слова, проявляющие симметричную семантику, но называющие лиц разного пола (или предметы, имеющие к ним

отношение); *абсолютную оппозицию* будут составлять слова, не имеющие аналогий среди слов, называющих лиц (или предметы, имеющие отношение к лицу) противоположного пола» (с. 44).

В соответствии с принятой логикой исследования непосредственно аналитическая часть работы открывается второй главой «**Гендерные компоненты прямых значений слов**», в которой последовательно рассматриваются относительные оппозиции, абсолютные оппозиции и динамические процессы в наименованиях лиц, составляющих оппозиции по признаку пола (соответственно, разделы 2.1, 2.2 и 2.3).

К относительным оппозициям относятся пары собственных имен (типа *Александр — Александра*), пары, противопоставленные по полу, месту проживания, национальности, конфессии, социальному статусу. При этом отмечается возможность использования номинаций лиц женского пола для обозначения неодушевленных понятий (*болгарка — пила, американка — игра в бильярд* и пр.), при отсутствии такой возможности для обозначений мужского пола (с. 52-53). Также многие примеры демонстрируют лексическую избыточность: а) слово мужского рода называет мужчину, слово женского рода — и мужчину, и женщину (*умник — умница*); б) слово женского рода называет женщину, слово мужского рода — и мужчину, и женщину (*трудоголичка — трудоголик*) (с. 62-64).

К абсолютным оппозициям относится большинство остальных собственных имен, а также жестко маркированные по признаку пола функциональные имена лиц, связанные с применением физической силы, с ограничениями религиозного характера, с уходом и заботой и пр. При этом в ряде пар функциональных имен лиц наблюдается семантическая асимметрия (*техник — техничка, машинист — машинистка* и под.) (с. 73-75). Анализ приводит автора к обоснованному и интересному в научном плане выводу: «Использование лексем из сферы, связанной с применением физической силы и / или противозаконными действиями, развязным поведением (как показателем антипрестижа), относится к мужчине; характеристики по наличию и / или отсутствию сексуальности, доступности и / или недоступности сексуальным притязаниям сопровождают женщину» (с. 89).

Также к ценным в научном отношении фрагментам исследования следует отнести некоторые интересные положения в области анализа динамических процессов в наименованиях лиц, составляющих оппозиции по признаку пола. Так, отмечаются следующие социально обусловленные изменения в отношении маркированных по признаку пола наименований лиц: архаизация корреляционных пар (*шут — шутиха*), утрата номинаций в связи с изменением орфографических норм, в связи с совершенствованием словообразовательной системы (*гадательница*); у ряда слов обнаружилось семантические преобразования — переходы с профессиональной на непрофессиональную номинации (*плясунья*), с агентивной на предметную (*конфетница*) и пр. (с. 95-96).

Наибольший научный интерес, на наш взгляд, вызывает материал, представленный в **третьей главе исследования «Гендерные компоненты переносных значений слов»**. В главе последовательно рассматриваются гендерные компоненты метонимических значений и метафорических значений (соответственно, разделы 3.1 и 3.2). Собранный в этой главе и адекватно интерпретированный Е.А. Козловой материал убедительно свидетельствует о культурной разработанности категории гендера, что доказывает активное участие русских гендерно маркированных лексем в метонимических и метафорических моделях, отвечающих всем критериям теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа — М. Джонсона.

Автор аргументированно показывает, что возникновение гендерных метонимий, как правило, мотивировано наличием в языке лексем, связанных с жизнедеятельностью лица того или иного пола (*юбка, туфелька — борода, усы*). Гендерная метафора ожидаемо более активна в языке, так как не связана семантическими ограничениями, присущими метонимическим переносам. В сферу интересов автора закономерно попадают прежде всего оценочные метафоры, которые отражают устойчивые представления о том, какие черты должны быть свойственны мужчине и женщине. «В оценочной метафоре коннотации выражают многие, преимущественно пейоративные, человеческие свойства или физические особенности. <...> Ср.: ярко выраженная худоба (*скелет, дистрофик, щепка*); трудолюбие (*муравей*); чрезмерная сексуальная активность (*кобель, сучка, кот, жеребец*); отсутствие внешней красоты (*пугало, урод, крокодил*); кротость (*телок, овечка*); красота (*картинка, богиня*); коварство (*змея, гадюка*); заботливость (*нянька, сестра милосердия, наседка*); глупость (*дубина, дуб*); высокий рост (*каланча*); безволие (*тряпка, квашня*) и под.» (с. 108–109).

Е.А. Козлова, вслед за З.И. Резановой, справедливо отмечает, что в гендерных метафорах формулируются ожидания носителей языка от представителей пола определенного типа поведения. При этом делается интересный в научном отношении вывод о том, что «в результате ироничного использования оценочные метафоры могут менять оценку на противоположную: а) с отрицательной на положительную: «Тоже мне, *принцесса* выискалась!»; «Смотри, *королева*-то наша явилась, еле идет, подол весь грязный» (Из разговорной речи, 2017–2019); б) с положительной на отрицательную: «Эх ты, *уродина* моя, от мужиков-то отбоя нет!»; «А наш-то жену с квартирой взял! Вот тебе и *валенок!*» (Из разговорной речи, 2017–2019)» (с. 144).

Также очень перспективным и значимым в научном плане является анализ, представленный в **главе четвертой «Оппозиции коннотаций лексем по признаку пола»**, в которой последовательно рассматриваются отдельные дискурсивные практики, в которых реализация гендерно маркированных коннотаций играет особую роль – это ЛСП «медицина и физиология», «танцы», «мода», «уход за собой», «гастрономия и кулинария», «непрофессиональные занятия», «музыкальные инструменты»,

«автомобили», «читательские и кинопредпочтения» (соответственно, разделы 4.1-4.9). Примечательно, что и на уровне коннотаций в разных дискурсивных практиках сохраняется принятое в работе деление на абсолютные и относительные оппозиции гендерно окрашенных лексем.

Е.А. Козлова делает ряд ценных в научном отношении наблюдений, способных расширить наши представления о специфике языкового воплощения категории гендера в современной русской речи. В частности, мы полностью солидаризируемся с выдвинутыми Е.А. Козловой положениями о том, что у ряда лексем русского языка наблюдается динамика гендерных компонентов значения в следующих направлениях: а) изменение гендерной отнесенности: *болеро, сарафан, португя, мюли, ботфорты* (из муж. в жен.); *буффоньерка, сбор грибов* (из жен. в муж.); б) смена жесткой гендерной маркировки на немаркированность (*куртка, пиджак, редингот*) и обратный процесс (*бант, сабо* из немаркированного в жен.); в) смена жесткой гендерной маркировки на нежесткую в нескольких группах лексем в связи с социальными изменениями (номинации в области музыкальных инструментов, изначально гендерно маркированные; номинации в области форменной одежды и обуви и пр.) (с. 193-194).

В заключении обобщаются основные результаты исследования. В их числе отметим важное в плане перспектив дальнейших исследований положение о том, что «гендерная семантика является фактором разного рода ограничений в использовании слова, тем самым оказывая влияние на культуру речи» (с. 200-201).

При общем благоприятном впечатлении, которое производит работа, нельзя не отметить некоторые аспекты исследования, требующие, на наш взгляд, разъяснения и уточнения.

1. Как нам кажется, чрезмерно широко сформулирована тема диссертации «Гендерные аспекты лексики языка». Ведь в работе, разумеется, речь идет не обо всей лексике, а только об отдельных семантических группах имен существительных (возможно, имело бы смысл конкретизировать обозначение темы, чтобы она больше соответствовала характеру анализируемого материала).

2. Некоторые необщепринятые термины вводятся в текст диссертации без пояснений. Например, на с. 93 используется терминологическое обозначение «псевдопары», которое и ранее, и впоследствии никак не определяется, тогда как по умолчанию его значение тоже не вполне ясно. Хотелось бы узнать, собственный ли это термин автора диссертации, или же он употреблялся в подобных исследованиях другими авторами? Также на этой же странице непонятно, что имеется в виду под словосочетанием «мимикрия модификационного словообразования»?

3. Вызывает сомнение и ряд квалификационных решений автора. Так, в целом принимая предложенное Е.А. Козловой разграничение собственно метафор и метафор-инвектив, мы полагаем, что некоторые критерии этого разграничения не вполне разъяснены в работе, что приводит к вопросам:

например, на с. 93 непонятно, почему *свинья* в контексте: — *Ты настоящая свинья! // Я такой грязи на кухне не видела никогда!* — это собственно метафора, а *мартышка* в контексте: — *Варька / мартышка бестолковая / опять ключи дома забыла!* — это метафора-инвектива? На этом фоне также сомнительно выглядит тезис автора на с. 112: «Некоторые метафоры-инвективы типа *акула* в ряде случаев могут выражать восхищение у носителей аналогичных качеств (ср. *акула пера, акула бизнеса*)».

4. Также, на наш взгляд, в работе не вполне корректно сформулированы некоторые выводы. Например, на с. 201 под п. 6 автор пишет: «В процессе исследования попутно был обнаружен способ верификации наличия гендерных созначений у слов, не имеющих агентивной семантики: маркированные в гендерном отношении названия предметов, органов (половых признаков), явлений регулярно развивают маркированное по признаку пола метонимическое значение лица». Но как раз о способе верификации наличия данных созначений у неагентивных слов в работе ничего не говорится. Если же речь идет просто о констатации самого факта развития у непредметных слов метонимического значения лица (типа *борода* → *человек с бородой*), то это представляется довольно тривиальным и общеизвестным суждением и, следовательно, никак не может быть отнесено к собственно авторским открытиям.

Вышеперечисленные вопросы и замечания вызваны интересом к проблематике настоящего диссертационного исследования и не затрагивают его концептуального содержания.

Обоснованность выводов, полученных Е.А. Козловой, теоретическая значимость предложенных ей алгоритмов анализа гендерной маркированности в лексике русского языка, убедительность интерпретации репрезентативного корпуса языковых единиц и текстовых фрагментов, а также очевидность практической значимости исследования дают основание считать, что все положения, выдвинутые на защиту, получили содержательное раскрытие в тексте диссертации.

Диссертация написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты. В частности, в работе впервые на широком и разнообразном языковом материале осуществлено многоаспектное описание гендерно маркированных компонентов на уровне прямых и переносных значений слов, эксплицитных и имплицитных, в лексико-семантической системе русского языка, что составило **личный вклад** Е.А. Козловой в методологию и методику лингвистической гендерологии в лексикологических штудиях.

Таким образом, работа Е.А. Козловой является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей существенное значение для гендерной лингвистики, лингвистической аксиологии и лингвокультурологии, а также для теории и практики преподавания русского языка как иностранного.

Автореферат и 8 публикаций автора, среди которых 3 публикации значатся в изданиях, рекомендованных ВАК, с достаточной полнотой отражают содержание исследования. Полученные Е.А. Козловой научные результаты соответствуют паспорту заявленной специальности 10.02.01 — русский язык.

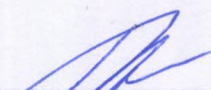
Диссертация «Гендерные аспекты лексики русского языка», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук, представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным пп. 9, 10, 11, 13, 14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автор, Козлова Екатерина Александровна, заслуживает присуждения степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 — русский язык.

Против включения данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой данной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОППОНЕНТ:

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

15.11.2021

Тимур Беньюминович Радбил

Контактные данные:

тел.: +7-903 040 4906; e-mail: timur@radbil.ru

Научная специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 10.02.01 — русский язык

Адрес места работы:

603950, Российская федерация, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Тел. организации: 8-(831) 433 82 45; официальный сайт организации: <http://www.unn.ru>; e-mail организации: unn@unn.ru